

Взаимоотношения греков Западного Понта со скифами в V в. до н. э., вероятно, были только дружескими. При Атее они приобрели характер союза. Позднее греки вынуждены были признать власть царей Малой Скифии.

Таковы известные нам черты взаимоотношений греков Западного Понта в эпоху их автономного существования со скифами. Они показывают, что власть скифов в Добрудже была долговременной и устояла против многих внешних нападений, что роль скифов в истории Западного Причерноморья, особенно в жизни греческих колоний, была значительна. Скифы не только достигли высокого культурного уровня благодаря связям с греками, но они оказали, в свою очередь, значительное воздействие на фракийцев.

Г. В. Блаватская

О ПОГРЕБЕНИЯХ РОКСОЛАН

Первые достоверные сведения о присутствии сарматов в Европе, т. е. западнее Дона, нам сообщает Полибий, упоминая сарматского царя Гатала (на берегу Понта Эвксинского), примкнувшего к большому союзу государств Малой Азии около 179 г. до н. э. (SC, стр. 444). Это первое упоминание формы «сармат» вместо прежних «савромат» и «сирмат».

Постепенное просачивание отдельных сарматских племен за Дон приводит уже во II в. до н. э. к занятию ими отдельных больших степных районов от Дона до Днепра, если не западнее, и к постепенному оттеснению скифов из этих районов далее на запад и в Крым. Известно, что во времена Цезаря, в момент кратковременного усиления гетов и их владения Ольвией, западной границей сарматов был Днепр. Об этом свидетельствует официальная карта Римского государства, составленная Агриппой на основании источников времен Цезаря. В состав 24 областей римского мира входили, как IX область, *Sarmatia* и *Scythia Taurica*. Сарматия представляется обширной страной от Кавказских гор и Каспийского моря до Днепра. *Scythia Taurica* находилась в пределах Крыма и граничила на севере с сарматами¹.

Таким образом, римлянам, хорошо осведомленным о Северном Причерноморье, в I в. до н. э. известна Сарматия—основная земля старой Скифии, населенная теперь сарматами. С этого времени общее имя для новых пришельцев-сарматов чередуется у античных авторов с названиями отдельных крупных племен или их союзов, среди которых в Европейской Сарматии выделяются языги, затем роксоланы, а за ними идут могущественные аланы.

В языхах-сарматах Страбона E. Minns, вслед за Мюлленгофом, видит более позднюю форму имени яксаматов², живших по соседству с савроматами у Меотиды. Одни античные авторы считали их меотийскими племенами (Деметрий), другие—савроматскими (Эфор)³. М. И. Ростовцев видит в языхах меотов, изгнанных на запад сарматами⁴. Артемидор Эфесский (конец II в. до н. э.), послуживший источником Страбона для его VII книги, указывал, что около этого времени языги дошли уже до степей между Днепром и Дунаем, а роксоланы заняли равнины между Доном и Днепром.

Если языгов не считать сарматской группой, то авангардным сарматским союзом надо признать роксолан. Их появление здесь в конце II в. до н. э. зафиксировано двумя источниками: Артемидором Эфесским и херсонесской надписью в честь Диофанта.

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 44—45.

² E. Minns, *Scythians and Greeks*, стр. 120.

³ В. Латышев, SC, стр. 2 (сообщает псевдо-Скимн).

⁴ M. Rostovtzeff, *The Sarmatae and the Parthians*. САН, XI, стр. 92—93.

Первый (в передаче Страбона) отмечает участие роксолан во главе со своим царем Тазием в борьбе скифского царя Палака с Диофантом, имевшей место около 109 г. до н. э. (SC, стр. 120). Надпись в честь Диофанта (IOSPE, 1¹, №. 352), отмечающая то же событие, указывает, что Палак привлек на свою сторону в борьбе с Митридатом народ ревкиналов.

Роксоляны, занявшие в конце II в. до н. э. определенные степные районы между Доном и Днепром, представляли, повидимому, наиболее могущественную и многочисленную группу сарматских племен.

В период кратковременного усиления гетов и захвата ими Ольвии (в середине I в. до н. э.) продвижение сарматов за Днепр было на время приостановлено. Но уже в начале н. э. сарматы, как свидетельствует Овидий, достигли нижнего Дуная. В 50-х гг. н. э. мы находим языгов между Тиссой и Дунаем, а роксолан за Днепром¹. Тацит сообщает о неудачном набеге роксолан на Мезию около 70 г. н. э. (SC, стр. 284). Во II в. н. э. они вступают с Адрианом на Дунае, и их земля простирается до границ Дакии². При Марке Аврелии языги сносились с роксоланами через Дакию (Дион Кассий, SC, 623).

Повидимому, к Дунаю в I в. н. э. прошла сравнительно небольшая часть роксолан. Их основная масса осталась между Доном и Днепром, разделив свое господство в этих районах с другими не-сарматскими и сарматскими народами, отчасти и с могучими аланами, идущими на запад в арьергарде сарматского движения. Отдельная группа аланов, оторвавшись от своего основного массива в задонских и поволжских степях, пройдя роксоланские районы, при Нероне, по свидетельству Сенеки, появилась на Нижнем Дунае³.

О происхождении роксолан, откуда они пришли—нам ничего не сообщают античные авторы. Плиний связывал роксолан с аланами, называя первых светлыми, белокурыми аланами. Повидимому, роксоланы были близки по языку и культуре аланам. F. Westberg⁴, отождествляя геродотовский Аракс, который перешли скифы, с Волгой, производит имя роксолан от этого названия Волги—араксаланы.

Однако не эти мало убедительные доводы заставляют нас обратиться в степи Поволжья как к родине роксолан. Генетическая связь между 4 стадиями развития культуры ранних кочевников Поволжья и Приуралья (с VI в. до н. э. по IV в. н. э.), как об этом свидетельствует археология, не оставляет сомнений, что основным местом формирования сарматских племен, нахлынувших со II в. до н. э. на украинские степи, были поволжско-уральские степи. Археологический материал показывает, что основная масса украинских сарматов представляла выходцев из Поволжья. Погребальные сооружения и весь погребальный ритуал, материальная культура (керамика, оружие, ритуальные сосудики, украшения, зеркала) украинских кочевников I в. до н. э.—I в. н. э. тождественны одновременным сарматским памятникам Поволжья.

В это время население Поволжья представляло разнородный, но тождественный по материальной и духовной культуре массив. Выражением этой многоплеменности являются разнообразные типы погребений (5 основных типов), сосредоточенные на одной территории и даже в одном могильнике (Сусловский могильник). Среди этих погребальных типов особую роль играет группа погребений в широких, часто квадратных могилах с положением погребенных по диагонали могилы—с угла на угол.

Диагональные погребения являются наиболее типичными для Поволжья на средне-сарматской стадии (I в. до н. э.—нач. II в. н. э.)⁵.

¹ M. R o s t o v t z e f f, *Iranians and Greeks in South Russia*, стр. 116; E. M i n n s, *Scythians and Greeks*, стр. 121.

² M i n n s, указ. соч., стр. 211.

³ Ю. К у л а к о в с к и й, *Аланы по сведениям классических и византийских писателей*, Киев, 1899, стр. 9.

⁴ F. W e s t b e r g, *Zur Topographie des Herodotes*, *Klio*, Bd. IV, 1904, стр. 182—192.

⁵ Общая характеристика диагональных погребений составлена по данным раскопок П. Д. Р а у (P. R a u, *Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga*,

В целом они отличаются большим богатством инвентаря, чем остальные типы погребений. Могила—грунтовые и не велики по своим размерам: средняя длина каждой стороны 1,80—2 м, глубина—от 0,50 до 2 м, а в среднем немного более 1 м. Могила сторонами, реже углами, ориентированы по странам света. Внутри могилы делали деревянный склеп из плах или досок, поставленных на ребро. Стенки склепа чаще всего плотно прилежали к земляным стенкам могилы, реже они находились на некотором расстоянии от стенок. Доски укреплялись вбитыми кольями. Дно могилы устилалось досками, тонкими плашками, корой, травой, посыпалось желтым песком; подстилась кошма. Внутреннее оборудование могилы зависело от зажиточности погребенного. Находки под костяком стеблей травы, плотного черного тлена от какой-то подстилки говорят за то, что покойника клали на мягкое возвышенное ложе, часто подгибая ноги в коленях. Руки нередко спадали с этого возвышения и раскидывались в стороны, а кости ног, лишившись связок, также распадались в стороны. Отсюда характерная поза костяков—«танцующая» (руки раскинуты, обе ноги согнуты в коленях ромбом) и «атакующая» (одна нога вытянута, другая согнута в колене). Очень часто покойника завертывали в луб, опутывали его ветвями, или же покрывали его сверху лубом, а также тонкими дощечками, травой, хворостом. Господствующая ориентировка костяков—ю.-в., реже ю.-в. и еще реже—южная, и лишь один случай восточной ориентировки (Суслы, погр. 1 в кург. № 43). Редкие случаи с.-в. ориентировки на среднесарматской стадии относятся к концу этой стадии, когда намечается общая тенденция к северной ориентировке в сарматских могилах Поволжья.

Поблизости от места погребения разводился погребальный костер, совершались жертвоприношения и тризна у открытой могилы. Могила засыпалась землей с остатками погребального костра (угольки в насыпи и в засыпке могилы). В могилу клали кучки горячей золы (чаще в ногах покойника).

Посыпка сплошь или частично ложа покойника мелом встречается довольно редко, но зато очень часто клали мел в кусках (от 1 до 8) в разных частях могилы. Некоторые куски имеют вид неправильных конусов и пирамидок. В погребении № 35 Суслевского могильника кусок мела лежал в цилиндрическом ритуальном сосудике. Такие сосудики-курильницы встречаются очень часто, особенно в женских погребениях. В могилу клали также обломки зеркал.

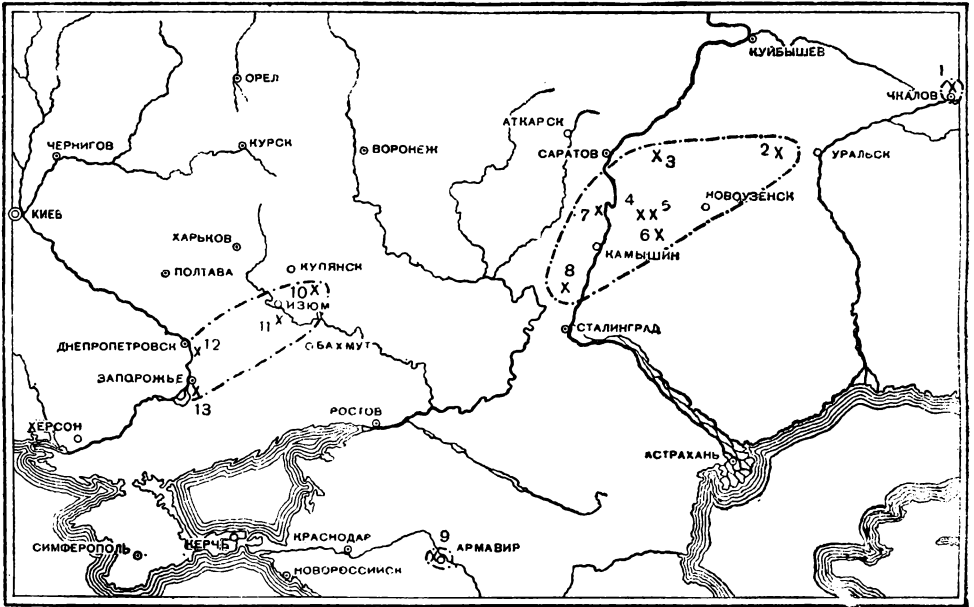
Сверху могилы покрывались досками, плахами, иногда в два ряда—вдоль и поперек, сверху иногда могилу заваливали хворостом. Над могилой насыпали курган до 1 м высотой.

Мной учтено 38 диагональных погребений среднесарматской стадии, что составляет 28% всех сарматских могил Поволжья этого времени.

Центральной областью распространения диагональных погребений (I в. до н. э.—I в. н. э.) являются правобережные и левобережные степи Поволжья от Саратова на севере почти до Сталинграда на юге и несколько западнее Уральска на востоке (см. чертеж). Погребения расположены по степным речкам: Илсвле, Б. Караману, Еруслану, Соленой и Белой Кубе, Торгуну и Деркулу. Эти могилы образуют целые курганные группы. У ст. Шипово на Деркуле и в Суслевском могильнике на Б. Карамане они идут растянутой цепью, располагаясь по возвышенностям, как бы господствуя над другими курганами. По отношению к этому основному району диагональные погребения составляют около 34% всех сарматских погребений.

Pokrowsk, 1927; о н ж е, *Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926*, Pokrowsk, 1927; И. В. С и н и ц ы н, К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, «Советская археология», VIII (1946), стр. 73—95; П. С. Рыкова (П. Рыков, Суслевский курганный могильник, Саратов, 1926; о н ж е, Археологические раскопки и разведки в Н. Поволжье и в Уральском крае летом 1925 г., Саратов, 1926), Б. Н. Гракова (материалы экспедиции ГИМ 1925—26 гг. в районе с. Харьковки Саратовской обл. хранятся в ГИМ'е, не опубликованы).

Крайним восточным пунктом распространения диагональных погребений является район Оренбурга. Здесь мы имеем лишь одно такое погребение с ю.-в. ориентировкой костяка в кургане № 7 у Бердинского поселка¹, причем это единственное погребение—раннесарматской стадии (IV—II вв. до н. э.), судя по круглодонному горшку того типа, который был найден и в самих Прохоровских курганах и в Нежинской курганной группе под Оренбургом. Диагональные погребения по своему ритуалу чрезвычайно близки круглым и овальным могилам, которые существовали в поволжско-уральских степях уже на савроматской стадии, а к началу н. э. они бесследно исчезают. Для обоих типов погребений характерны случаи парных погребений, значительные остатки погребального ковра и вообще выраженный культ огня, преимущественно ю.-в. ориентировка. Таким образом, широкие и квадратные могилы среднесарматской стадии, подобно круглым, выражают местную традицию савроматского времени—выкапывать обширные могилы с деревянными конструкциями (Блюменфельдский тип могилы).

Эта традиция в скрещении со стремлением к уменьшению размера могилы на более позднем этапе приводит к образованию небольшой квадратной могилы, где погребенного удобнее положить по диагонали. Круглые могилы II—I вв. до н. э. сосредоточены в сартовском Заволжье, в центре основного района диагональных погребений. Они могут рассматриваться как равновидность диагональных погребений.

Зародившись на раннесарматской стадии (III—II вв. до н. э.) и став характерными на с ледующей, диагональные погребения еще продолжали свое существование в начале позднесарматской стадии, т. е. во II—начале III в. н. э., когда ареал их распространения значительно расширяется на восток и юг, но не они теперь составляют наиболее характерный тип погребений Поволжья. Таковыми становятся глубокие узкие и подбойные могилы. В других районах сарматского расселения, где сарматы представляли пришлое население, диагональные погребения известны на Кубани и в степях левобережной Украины. На Кубани господствующим типом курганных погребений I в. до н. э. и I в. н. э. были погребения в больших подбоях. Единственное диагональное погребение вскрыто Н. И. Веселовским в кург. № 2 у Армавира (ОАК за 1902 г., стр. 87—88).

¹ «Труды Оренбургской ученой архив. комиссии», XVI (1906), Оренбург, рис. 7, стр. 89—90.

На левобережной Украине, несмотря на небольшое в целом количество открытых здесь сарматских памятников, диагональные погребения занимают определенный район, и их распространение здесь совпадает со временем окончательного заселения сарматами степей между Доном и Днепром по показаниям античных авторов. Диагональное погребение, открытое Н. Е. Макаренко в кургане № 11, у д. Вороной, б. Новомосковского у. Екатеринославской губ.¹, представляет наиболее раннее достоверно сарматское погребение поволжского типа.

Под насыпью, высотой в 1 м, находилась почти квадратная могила 3 арш. 10 м. × × 3 арш. 5 в., глубиной 2¹/₂ арш. Она была расположена длинными сторонами с в. нав. Дно ямы под костяком было выложено тростником (0.05 м толщиной). Костяк лежал на спине, вытянуто по диагонали могилы, головой на ю.-в. У кисти правой руки лежал точильный брусок, у пальцев левой руки—«бронзовые треугольные стрелки, короткие с втулкой и длинные без нее, с остатками деревянных стерженьков». По бронзовым наконечникам стрел данное погребение должно быть отнесено к раннесарматской стадии и одновременно оренбургскому диагональному погребению у Бердинской горы (кстати сказать, тоже с ю.-в. ориентировкой костяка).

Таким образом, диагональное погребение у д. Вороной должно быть датировано не позже II в. до н. э., т. е. началом активного заселения сарматами степей между Доном и Днепром. К этому времени пришельцы из оренбургско-поволжских степей достигают левого берега Днепра выше порогов.

Большинство известных нам сарматских погребений Украины относятся к I в. до н. э.—I в. н. э. На левобережной Украине в этот период продолжают существовать диагональные погребения, абсолютно тождественные поволжским по устройству могилы и погребальному инвентарю.

У Днепровских порогов, в районе Запорожья, М. А. Миллером в 1930 г. были исследованы 2 диагональных погребения и несколько впускных сарматских узких могил того же времени². Под невысоким курганом № 29 была квадратная могила 2,40 × × 2,40 м и 1,5 м глубиной; костяк лежал на спине с раскинутыми руками, головой на ЮЗ. Погребение по своему инвентарю входит в раннюю хронологическую группу курганов среднесарматской стадии, т. е. конца II—I в. до н. э. Железный кинжал с кольцевым навершьем и прямым коротким перекрестьем, железные мелкие трехлопастные черешковые наконечники стрел, кольцевидная пряжка с острым язычком этого погребения находят точные аналогии в инвентаре сарматских погребений В1 и В2 на Торгуне³. Серолощенный кувшин с шаровидным туловом, лентовидной ручкой и кольцевидным поддоном из этого погребения не имеет точных аналогий в сарматской поволжской керамике, но типичен для позднеэллинистических (II—I вв. до н. э.) погребений из грунтовых могильников Кубани (Усть-Лабинский могильник № 2). Витые бронзовые проволоочки с петельками встречаются в Поволжье и на Кубани.

Второе погребение (в кургане № 21) было разграблено, но, судя по квадратной форме могилы (2,5 × 2,5 м глуб. 1,65 м) и инвентарю (мелкие железные черешковые наконечники стрел, узкий четырехгранный оселок с отверстием), оно относится к тому же типу погребений и современно ему.

Еще одно диагональное погребение было обнаружено на Харьковщине, у ст. Сватова Лучка, б. Куплен. у.⁴. Здесь Е. Трифильев в кургане № 3, высотой 0,50 м, исследовал квадратную могилу, 1,80 × 1,80 м и глубиной 1,50 м. Могила со всех 4 сторон была облицована на высоту 0,30 м дубовыми досками, поставленными перпендикулярно ко дну могилы. «Костяк лежал у W стороны почти вплотную к ней на спине—

¹ ИАК, вып. 43 (1911), СПб., рис. 84, стр. 96.

² С неопубликованными материалами этих раскопок меня любезно познакомил Б. Н. Граков, за что приношу ему большую благодарность.

³ Р. Р а ц, ук. сог., рис. 33А стр. 28.

⁴ Е. П. Т р и ф и л ь е в, Археологическая экскурсия в Курянском у., «Тр. XI Арх. съезда в Харькове», 1902, т. 1, стр. 136—138.

головой к S в вытянутом положении; руки были вдоль туловища, ноги раздвинуты до 0,60 м. между ступнями». Из описания Трифильева не совсем ясно, был ли покойник положен по диагонали могилы. Однако из дальнейшего описания расположения вещей видно, что череп покойника находился в ю.-в. углу могилы. Сам костяк мог быть сдвинут к стенке могилы. Отклонение от строго диагонального положения погребенных мы имеем и в Суловском могильнике. Среди инвентаря типичные вещи диагональных погребений Поволжья: зеркальца с конической выпуклиной в центре и боковым квадратным ушком, ригуальный цилиндрический сосудец, серолощенный кувшин с биконическим туловом и резным орнаментом по плечу, песчаниковая плитка, тщательно сглаженная с одной стороны. Погребение М. И. Ростовцев датирует по стеклянному сосудику—«слезнице» I в. н. э.¹

К нашему же типу погребений следует отнести погребение № 2 в кургане № 2 у д. Селимовки, б. Изюмского у., исследованное В. А. Городцким в 1902 г.². Могила была вырыта на значительно большей глубине и несколько иных пропорций (около 1,80×1,40). Костяк лежал на спине головой на ЮВ, вдоль продольной оси могилы, Стенки могилы были оборудованы деревом, сверху могила покрыта накатником из голстых плах. На покрытии лежал бронзовый котел. Одежда погребенного была покрыта мелкими сарматскими золотыми нашивными бляшками.

Таким образом, по археологическим данным мы имеем две области распространения диагональных погребений II в. до н. э. — I в. н. э.: основная—поволжско-уральская и западная, охватывающая район левобережья Днепра от Днепропетровска до Запорожья и южные районы Харьковщины (см. чертеж). По свидетельствам античных авторов, эта территория была занята в конце II в. до н. э. (а может быть, и на полвека раньше) роксоланами. Поэтому диагональные погребения с ю.-в. и ю.-в. ориентировкой костяков я считаю возможным считать роксоланскими. Диагональные погребения Украины, как и в Поволжье, сопровождаются одновременными узкими могилами, часто впускными, с бедным инвентарем. Они, повидимому, принадлежали иным сарматским племенам, увлеченным роксоланами в их движении на запад.

Заселение сарматами донских и приднепровских степей, начавшееся как медленный процесс инфильтрации на эту территорию отдельных племен, повидимому, быстро завершается к концу II в. до н. э. Какая причина заставила часть сарматских племен во главе с роксоланами передвинуться с Поволжья к Приднепровью?

На этот вопрос, может быть, будет легче ответить, если мы по археологическим данным представим себе состояние сарматского общества в Поволжье к концу II в. до н. э.

Сарматы Поволжья не были однородны по своему племенному составу. Существование 5 погребальных типов на одной территории свидетельствует о том, что поволжское население состояло из пяти основных родственных этнических групп с одним социально-экономическим укладом, материальной и духовной культурой.

Основной массив поволжской группы сарматов составляли потомки местного населения, которое постоянно здесь проживало, по крайней мере с VI в. до н. э. Эти потомки савроматов оставили нам круглые могилы на Торгуне, Б. Карамане и Еруслане, многочисленные, часто впускные, погребения в узких могилах. Последние занимают в поволжско-уральских степях несколько более широкий район, чем район диагональных погребений. К потомкам древнего местного населения следует отнести и группу диагональных могил. Во всех этих могилах связь с древним местным населением проявляется в ряде черт погребального ритуала (пережиточные формы древнего трупосохранения, культ очистительной силы огня) и инвентаря (ряд форм глиняной лепной посуды, короткий меч с кольцевым навершьем, развившийся из старого скифского акинака, и пр.). На раннесарматской стадии племенной состав населения Поволжья усложняется вследствие большой подвижности населения обширных степных просторов Сибири и Сред-

¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 587.

² «Труды XII Арх. съезда», т. I, табл. XIV.

ней Азии. В среду старых поволжских групп населения влились новые группы из более восточных районов, что подтверждается и палеоантропологическими данными Г. Ф. Дебеца¹ и Т. А. Трофимовой²—проникновение брахикранного типа Прикаспия, Приуралья (Прохоровки) и Средней Азии в Поволжье (главным образом по Ахтубе). Это выразилось в появлении могил с заплечиками и подбойных могил, характерных для оренбургских и среднеазиатских степей, а также в появлении среднеазиатских форм кувшинов, краснолошеной посуды, железных наконечников стрел крупных размеров и больших сложных луков с костяными обкладками.

Мирное соседство равноплеменного населения Поволжья свидетельствует о сложении в степях Поволжья к концу II в. до н. э. большого и могущественного племенного союза, руководящую роль в котором заняли наиболее богатые и многочисленнее племена роксолан. Создается могучая сила, способная к завоеванию новых земель. С образованием этого мощного племенного союза следует связывать первое крупное перемещение части поволжских сарматов во главе с роксоланами и окончательное занятие ими в I в. до н. э. некоторых степных районов «Европы» вплоть до Днепра. Отныне эта область получила название у римлян—Сарматия.

К. Ф. Смирнов

К ОДНОМУ ФРАГМЕНТУ САФО

Цитируемый Плутархом стих из стихотворения Сафо (σμίχα μοι παῖς ἔμμεν' ἐφρίνεο ἄχαρις³) неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, которые неизменно указывали при этом на его несомненную связь с другим отрывком стихотворения той же поэтессы (ἴραμιν μὲν ἔγω σέθεν Ἰατθί κάλαι πότμ⁴).

Эдмондс⁵, исходя из цитаты у Теренциана⁶ *Cordi quando fuisse sibi canit Atthida parvam, florea virginitas sua cum foret*, попытался даже восстановить слова, некогда соединявшие, по его мнению, оба эти фрагмента, предложив вставить между Ἰράμιν καὶ σμίχα κτλ. от их: ἄς ἐμ' ἀνθρῶπος ἔτι παρθενία, сὺ δὲ, то-есть решил, что слова *florea virginitas sua cum foret* следует относить к самой Сафо. Иными словами, Эдмондс предполагает, что стихотворение это написала Сафо уже в преклонных годах и содержит воспоминание о том, как она в юности (в расцвете своих лет) увлекалась маленькой Аттидой.

Виламовиц⁷ также считает, что оба фрагмента принадлежат одному и тому же стихотворению и думает, что ключ для их понимания находится в слове ἄχαρις. Поскольку Сафо говорит здесь в прошедшем времени (*Imperfectum*) о незрелости Аттиды, то Виламовиц предполагает, что Сафо тем самым, видимо, заявляет о неправильности своего о ней суждения. А что же иное, спрашивает Виламовиц, могло убедить Сафо в ее ошибке, как не свадьба Аттиды. Это стихотворение, так заключает он, содержит Поздравление по случаю выхода Аттиды замуж. Поэтому и неудивительно, что оно начинается с воспоминания о любви поэтессы к Аттиде, любви, которая в противоположность мужской не рассчитана на χαρίζεσθαι.

Боура⁸ считает, что оба фрагмента принадлежат стихотворению, в котором Сафо подводила итог своей минувшей любви к Аттиде.

¹ Г. Ф. Дебец, Материалы по палеоантропологии СССР (нижнее Поволжье), «Антропологический журнал», 1936, № 1, стр. 65—80.

² Т. А. Трофимова, Краниологический очерк татар Золотой орды, «Антропологический журнал», 1936, № 2, стр. 166—168.

³ Reinach 42, Bergk 34, Diehl 41, Lobel β 5 App.

⁴ Reinach 41, Bergk 33, Diehl 40, Lobel β 5 App.

⁵ Edmonds, Cambridge Philol. soc. Proceed., 1916 (цитирую по Рейнаку).

⁶ Terentianus Maurus, De metris, VI 390, Keil.

⁷ U. Wilamowitz-Moellendorff, Sappho und Simonides, Berlin 1913, 55.

⁸ Bowra C. M., Greek Lyric Poetry, Oxford, 1936, p. 211.